

Мой хозяин дракон

Автор:

Оливия Штерн

Мой хозяин дракон

Оливия Штерн

Меня выкрали из дома и продали как вещь. Теперь я собственность лорда-дракона. Но есть еще его брат, могущественный маг. И повелитель тварей Хаоса. Каждый из них желает сделать меня своей... Остается только разгадать, что за магия живет во мне самой, попытаться отвоевать свободу и устоять перед обаянием дракона.

Оливия Штерн

Мой хозяин дракон

Пролог

Стыд и отчаяние жгут, разливаясь под кожей кислотой, заставляя опускать глаза. Окруживший меня полумрак как будто напитан похотью, она повисла в воздухе, я дышу ею, чувствую ее каждым дюймом обнаженной кожи... И ничего не могу сделать. Не могу шевельнуться без чужого приказа: маг-менталист, стоя за кулисами этого жуткого театра, умело делает то, за что ему платят.

«Папочка, забери меня отсюда, пожалуйста», – вот что я думаю в эти мгновения. Других мыслей нет, разве что... Хочется умереть прямо сейчас, чтобы сердце разорвалось и чтобы я упала на помост поломанной игрушкой.

– Пятьдесят золотых крон! Кто больше? Уважаемые санноры, этот нежнейший цветок доставит вам ни с чем не сравнимое удовольствие!

Я в свете десятков свечей, словно муха в янтаре. По позвоночнику струится пот, мне нечем дышать, тоненький полупрозрачный пеньюар с совершенно неприличным вырезом липнет к телу. И я тону, уже перестав барахтаться, в мужских взглядах, таких плотных, почти осязаемых. Почему мое сердце не может остановиться прямо сейчас?

– Шестьдесят золотых крон!

Пульс в висках стучит, словно кувалда по металлу.

И тут менталист, что притаился где-то в потемках, приводит в движение мои руки. Я... не хочу делать то, что хочет он. Но тело непослушное, ватное. Другой человек сейчас управляет мной, заставляя выставить себя на продажу. Мне хочется плакать, кричать, проклинать, но все, что срывается с губ, – тихий всхлип в то самое мгновение, когда мои руки распускают на груди тонкие завязки, распахивая пеньюар и демонстрируя то, что и без того было почти видно. По залу проносится вздох.

– Семьдесят!

Я знаю: когда менталист отпустит меня, я тотчас упаду. Жаль, что не умру сразу же, – ни одна девушка из хорошей семьи не должна пережить подобное. Горло тут же перехватывает, и я как будто снова возвращаюсь в то утро, когда в собственном доме мне на голову накинули мешок.

– Обращаю ваше внимание, уважаемые санноры, эта прекрасная лань невинна, совершенно невинна!

Я давлюсь собственным плачем. Конечно же они проверили меня, прежде чем вывели на торги. Унизительно до дрожи, так, что умереть захотелось еще тогда. Но я даже не подозревала, что все это – только начало...

– А где гарантии, что она невинна? – выкрикивает кто-то из переднего ряда.

Я помимо воли вскидываю взгляд. Там, за пределами помоста, жирный и липкий мрак, оттуда и тянутся ко мне отвратительные щупальца чужих взглядов. И там же я успеваю заметить плечистый силуэт.

- Сертификат, заверенный мастером Фиери, - не без гордости отвечает аукционист.

Папочка, забери меня...

- Сто золотых крон!

Кажется, менталист немного отвлекся, и я роняю голову на грудь, пытаюсь накинуть пеньюар на плечи, как-то закрыться... В следующий миг меня дергает незримая сила, тело выгибается дугой, и то подобие одежды, что еще держалось на плечах, соскальзывает на пол.

- Сто двадцать! Кто больше, господа? Сто двадцать - раз...

Стоило прозвучать удару молотка, и менталист беззаботно меня отпустил. Колени ожидаемо подогнулись, и я упала, кое-как успев упереться ослабевшими руками в грязный дощатый пол. Дыхание застряло в горле, и я захрипела, пытаюсь вдохнуть. В висках страшно стучал пульс. Нет, это все не со мной...

Сто двадцать золотых крон. Именно за такую сумму неизвестный купил единственную дочь покойного ныне адмирала Лайса. Дочь, от которой так ловко избавилась его молодая вдова.

Несколько мгновений я просто лежала, упираясь ладонями в пол, и просто дышала, жадно хватая душный воздух. Теперь мне было совершенно безразлично, кто и как на меня будет пялиться. Все. Продана. Искать никто не будет, вызволять - тоже. Наверное, я успею броситься под проезжающую карету... или наглотаться битого стекла, это кошмарная смерть, но лучше так, чем постельной игрушкой. Невольно дернулась, когда чьи-то тяжелые ладони легли на плечи.

- Поднимайтесь.

Я просто замотала головой. Нет, не хочу. Ничего не хочу. Пусть я исчезну прямо сейчас!

- Поднимайтесь, - повторил мужчина, - не заставляйте тащить вас силой. Вот плащ...

На меня опустилась бархатная мягкая ткань. Зубы начали выбивать дробь, я судорожно вцепилась в плащ, заворачиваясь в него, ныряя головой в капюшон. Не хочу, чтобы еще кто-то меня видел... Хотя - все желающие уже посмотрели, что там прятать?

- Давайте помогу. - Снова тот же голос.

Я едва не взвыла, когда он ловко подхватил меня под мышки, потянул вверх и на себя, все же поставил на ноги.

- Стоять можете? Ну же, посмотрите на меня.

И я посмотрела. Я не знала его, хоть торжественные приемы и балы составляли изрядную часть моей жизни... прежней жизни беззаботного мотылька. Он был не стар, лет тридцати, и хорош собой, холеный блондин, непривычно коротко, на военный манер, стриженный. Лицо показалось умным, приятным, только вот... глаза не понравились - светлые, колючие, словно стеклянное крошево, и зрачок маленький, как булабочная головка.

- Ну вот, все хорошо, - спокойно сказал он, - держитесь, недолго осталось. Только вот... вы правда... девственница?

Вопрос настолько огорошил, что я невольно кивнула не думая. Неужели только это его и волнует?

Он окинул меня задумчивым взглядом, затем взял за плечо.

- Идемте. Нам нужно поторопиться.

- Куда? - прошептала я.

Все же я оставалась Корой Лайс, дочерью адмирала Кардилии и прилегающих островов. Преданной, похищенной и проданной, но пока что не сломленной окончательно. Я все еще оставалась собой и отчаянно боролась со страхом, который уже запускал под кожу ледяные иголки.

– Вам это знать необязательно, – прохладно ответил блондин.

– А как... мне к вам обращаться? – Сиплый шепот застревал в горле.

Он пожал плечами.

– Потом разберемся. Идемте же, времени мало.

И тут меня словно обожгло внезапной догадкой. Сквозь пелену стыда и горя настойчивым ростком пробилась следующая мысль: человек, меня купивший, не смотрел на меня так, как обычно смотрят на женщин. Он взирал на меня с тем интересом, с которым наш семейный лекарь рассматривал лягушек, прежде чем начать их препарировать.

Некоторое время он просто тащил меня за собой, вцепившись в запястье, по темным и грязным коридорам того дома, где проходил аукцион. Я семенила следом, запахнув на груди плащ. Мысли плавали в голове медленно и лениво, точно золотые рыбки-вуалехвосты в аквариуме, когда они еще у меня были, до того как папа женился второй раз. Санна Теодора сразу объявила, что у нее сыпь от всяких там рыбок, и от хомячков, и от черепах... поэтому ничего такого у меня больше не было.

Куда он меня тащит? Понятное дело, что наружу. Наверняка там ждет экипаж. А потом? К себе домой? Попробовать столь удачное приобретение? От мыслей о том, что последует дальше, накатывала тошнота. Нет, я понимала, что рано или поздно меня выдадут замуж, но мечталось об ином: чтоб нас познакомили на балу и чтобы у нас... было хотя бы несколько танцев, чтобы поговорить, хоть немного узнать друг друга. Не так, как сейчас происходит со мной.

К тому же мне не давал покоя тот взгляд, которым смотрел на меня незнакомец, мой, выходит, хозяин. Так не смотрят на женщин. Так смотрят на вещь, которую

собираются использовать... А как использовать – еще не ясно. Впрочем, у меня было слишком мало опыта в понимании мужских взглядов. Папа все хранил меня, берег... для чего-то хорошего. А все кончилось тем, что умер за завтраком, едва поднеся ко рту чашку с чаем.

Запыхавшись, я хватала душный, смрадный воздух этого проклятого дома. Ногти незнакомца больно впивались в кожу. В какой-то миг я наступила на что-то острое и невольно вскрикнула.

– Что такое? – Он сердито обернулся, остановился.

Я, прыгая на одной ноге, кое-как ощупала пятку – крови не было.

– Простите. Я наступила...

– Идем, – процедил он почему-то зло, – не тяни время.

И снова потащил вперед, но теперь это продолжалось недолго. Мы вылетели в небольшой холл с пыльными драпировками, затем – распахнутые двери, и я застыла на пороге, не решаясь сделать шаг вперед. Там... шел снег. А я босиком.

– Пошевеливайтесь. – Мужчина грубо дернул меня за собой, ступни обожгло холодом.

– Куда мы? – Рыдания теснили грудь, я озиралась по сторонам.

Темный проулок. Фонарь горит далеко-далеко, у перекрестка. И никакого экипажа. Да что ж он, будет тащить меня голой и босой через весь город?

Или же... до ближайшей подворотни?

– Что вы хотите со мной сделать? – пискнула я, отчаявшись. – Вы меня убить хотите? Зачем я вам?!

Внезапно он остановился, обернулся ко мне. Глаза, все такие же колючие, блестят в потемках. И лицо кажется белым-белым, словно у мертвеца.

– Послушай... те, санна. Я... лично я не буду вас убивать, не беспокойтесь. Но время дорого. Вы когда-нибудь путешествовали личным порталом?

Я растерянно мотнула головой. Не понять его: то ли злится, то ли просто волнуется. Но, коль упомянул личный портал, выходит... меня купил маг?

А если он... купил меня для опытов? Слышала я разные сплетни, чем они занимаются, когда нужно дотянуться до не подвластных дару умений...

Я окончательно растерялась. И было страшно, настолько, что я совершенно не чувствовала снега под ногами. Да и вообще уже ног не чувствовала.

– Я просто не хотел открывать портал на людях, – снизошел до объяснений мой хозяин, – чтобы потом не болтали лишнего, когда я появлюсь здесь в следующий раз.

– Но почему? – упрямо спросила я. – Что будут о вас болтать, если вы маг?

И тут меня словно молнией прошило. Ну конечно! Все же опыты. И это его «когда появлюсь в следующий раз». Так он, быть может, просто скупает девушек, чтобы их убить? Раз за разом? А если будут болтать, что какой-то маг покупает девушек, каждый раз новую, то это может заинтересовать королевские службы... которые знают, что очень часто ради магии приносятся страшные жертвы. То есть он просто не хотел показывать людям, что является магом, и поэтому поволол меня подальше.

Нутро скрутило от накатившего ужаса, рот наполнился кислой слюной. А мой... хозяин, видимо, понял ход моих мыслей, потому что едва заметно улыбнулся.

– Помогите! – сдавленно пискнула я и рванулась прочь.

Плевать, что я голая. Плевать, что босиком и что никто меня здесь не знает. Но я не дамся этому чудовищу, которое собралось меня убить ради собственной прихоти.

– Стой! – рявкнул маг.

Успел все же схватить за ладонь, нещадно дернул на себя, затем сжал горло. Я все еще брыкалась, ударила его локтем куда-то под ребра, он зашипел, но хватку не ослабил.

- Не трепыхайся, дура, еще нужна!

И в следующий миг в глаза брызнул золотистый свет открывшегося портала.

На несколько мгновений мы провалились в непроглядный мрак, но он тем не менее то тут то там оказался прошит яркими золотыми волокнами, у которых не было ни начала, ни конца. Маг все еще сдавливал мою шею, я вяло трепыхалась у него в руках, скорее по инерции, потому что в самом сердце сотворенного портала ничего я сделать не смогу с моим крошечным целительским даром. Да и вообще ничего не смогу. Я задыхалась, и на миг мне даже показалось, что я сейчас задохнусь окончательно и умру. Сама, без всяких запрещенных опытов и жертвоприношений. Но уже в следующее мгновение мы вывалились куда-то в узкий темный коридор, перед глазами поплыли старые серые камни без штукатурки, кое-где расцвеченные зеленоватыми пятнами плесени.

- Пусти! - просипела я. - Ты не посмеешь!

Но он тащил меня куда-то быстро и молча, тяжело сопя. А потом резко развернул вокруг своей оси - передо мной распахнулись высокие деревянные двери, словно их кто-то хорошенько пнул изнутри. В лицо дохнуло жаром, словно из печи, и я застыла, судорожно пытаюсь сообразить, что это и чем мне грозит.

- Ну, пошла, пошла! - зло прикрикнул маг, купивший меня, и толкнул в спину.

Да так толкнул, что я влетела в двери и упала на пол. Позади раздался гулкий удар. Я только и успела, что обернуться: двери за моей спиной захлопнулись.

В ушибленных коленях стремительно разливалась острая боль. Всхлипнув, я осторожно поднялась, опираясь на руки, и вот так, стоя на четвереньках, едва прикрытая плащом, принялась озираться.

Варгов маг! Что он замыслил, забрасывая меня сюда? Почему так торопился?

В голове теснились десятки вопросов, бестолково вертелись, толкались, словно толпа дебютанток на ежегодном Балу роз. А я, лишенная всего Кора Лайс, все еще стояла на четвереньках и оглядывала помещение, в котором так внезапно и против воли оказалась.

Наверное, это была чья-то спальня. Только уж очень мрачная и неухоженная, с потемневшей от времени грубой мебелью. У дальней стены – кровать под тяжелым балдахином непонятного цвета и очень пыльным. Пара стульев, тоже старых, неудобных, с жесткими сиденьями и спинками. Еще я заметила окно, арочное, застекленное так, как было принято в старину, круглыми мутными стеклышками. В оконном же проеме горела свеча в кованом подсвечнике, и еще одна свеча стояла на сундуке в углу комнаты – вот и все освещение. А у кровати внезапно я увидела медный таз с грязной, кажется, кровавой водой. На блестящем бортике висел обрывок ткани в бурых разводах.

И все-таки зачем я здесь?

Кое-как поднялась, подобрала полы плаща, запахнула его на груди. Предчувствие, притаившееся под сердцем словно холодный червяк, нашептывало о том, что просто так бы этот маг меня сюда не швырнул. Но что же здесь такого, в этой комнате?

– Эй, – тихо позвала я.

Так и не дождавшись ответа, развернулась, босиком прошлепала к двери, стукнула в нее кулаком.

– Выпустите меня! Кто-нибудь!

Ну не оставят же они меня здесь умирать, в самом деле? Даже для магического опыта как-то скучно.

На душе было гадко, так гадко, как только может быть у девушки, которая еще несколько дней назад блистала в свете, при дворе его величества Ратмунда Второго, а теперь – сирота, похищенная, увезенная непонятно куда, да еще и купленная неведомо кем с непонятной целью. Хотелось плакать. И – господи! – как же хотелось, чтобы на голову легла тяжелая ладонь отца, чтобы он погладил меня по волосам и сказал что-нибудь вроде «не плачь, дочка,

перемелется». Я невольно всхлипнула. Папа, папа. Как внезапно ты отошел к Господу нашему, как много я не успела тебе сказать. Да и варги с этими балами и с этим богатством – лишь бы только ты еще немножко побыл рядом...

Я стукнула в дверь еще раз. И внезапно услышала за спиной шипение, от которого волосы зашевелились на голове.

Несколько мгновений я стояла замерев. Я просто трусила, отчаянно трусила, боялась обернуться, потому что... кажется, уже тогда знала, что увижу там собственную смерть.

Шипение сменилось клацаньем когтей по камню. Что-то – или кто-то – медленно двигалось ко мне, явно хромя, припадая на ногу.

Я зажмурилась – и все же обернулась. Вопль застыл в горле, и я так и не поняла, как начала медленно, спиной сползать по двери на пол.

Почему я не заметила это сразу же? Или оно пришло сюда откуда-нибудь из потайного хода? Оно не было человеком. Вернее, очертания казались вполне человеческими, мужскими, но вот кожи... не было. По телу гуляла вязкая тьма, перекачивалась волнами, и там, где она немного редела, алели свежие раны, глубокие, рваные. Мне померещилось, что я вижу осколки костей, обрывки белых сухожилий. И на месте головы твари тоже пузырилась тьма, черная, глянцево блестящая в бледном трепещущем свете. Глаза... да, у твари были глаза... кажется. Яркие, янтарные, нечеловечески большие.

– Господи, – выдохнула я.

Больше сил ни на что не осталось.

Тварь подходила и подходила, подволакивая ногу, клацая по камням когтями, медленно протягивая ко мне руки с неправильно длинными и одновременно скрюченными пальцами. Только это и маячило перед глазами: клубящаяся тьма и жуткие раны под ней.

– Нет! – Я вскинула руку, инстинктивно защищаясь.

И в этот момент монстр навалился на меня, опаляя неестественным жаром своего тела. Тьма, пузырящаяся на нем, словно почуяла добычу, потянулась ко мне десятком жал, как будто прилепилась и к моей коже.

- Нет! - взвизгнула я, пытаюсь оттолкнуть от себя чудовище.

Кажется, ударила кулаком куда-то в глаз. Тварь рыкнула, схватила меня, оттаскивая от двери, подминая под себя, заставляя задыхаться от окутавшего меня жара.

Нет, оно не пыталось раздвинуть мне ноги или еще что-то такое.

Но дышать стало невозможно. Я барахталась в обжигающем мареве, мое тело, казалось, воспламенилось - кожу опаляли черные языки тьмы.

- Господи, папа...

Потолок с темными балками завертелся и куда-то поплыл. Сердце прыгало где-то в горле, и в легкие словно насыпали углей.

Я тонула в огне. Но в какой-то миг Господь сжалился надо мной, и все с оглушающим скрежетом провалилось в ничто.

Глава 1

Над бездной

Я дернулась и открыла глаза. Дыхание тут же сбилось, сердце подскочило куда-то к горлу, и я инстинктивно попыталась подняться - но не смогла. Тело... Я его едва чувствовала. Словно проросла корешками в жиденький кисель. И вроде бы дергаешься, корешки напрягаются, но кисель не сдвинуть с места. Высоко над головой застыл светлый беленый потолок с закопченными балками. Стояла звенящая тишина. Откуда-то сбоку падал золотой сноп солнечного света... Я зажмурилась.

Что-то словно надломилось внутри, и воспоминания хлынули грязным потоком, закружили, грозя лишить рассудка. Внезапно стало так холодно, что я затряслась и, кое-как подняв руки, стиснула пальцы... Мои руки. Мне казалось, они должны были обгореть и напоминать обугленные головешки. Ведь та тварь, которой меня попросту скормили... Она была такой горячей, как полыхающий костер, и я тогда растворилась в этом жутком пламени. Кровь кипела и оседала бурой пузыристой пеной. Тем не менее руки оказались моими, с чистой кожей, тонкими пальцами. Изрядно похудевшие, но без следа ожогов.

Зубы клацали, но я наконец ощутила собственное тело целиком. Оно тряслось в жестоком ознобе, во рту стало кисло. Я кое-как повернула голову набок: оказывается, рядом стояло кресло, обитое серой косматой шкурой, а там, свернувшись клубочком, укрывшись пуховой шалью, спала девочка лет десяти. Она была очень бледной, эта девочка, под глазами залегли тени, а на щеках горел неестественно яркий румянец. Жиденькие волосы рассыпались по узким плечам.

Я окончательно запуталась. Меня скормили жуткой огненной твари – но я все еще жива. Теперь вот... эта комната, тесная, бедно обставленная. И девочка рядом.

– Эй, – сипло выдавила я.

Девочка резко вздрогнула, распахнула глазищи – большие и синие, словно озера. Казалось, узкое и худое личико просто в них утонет. Она несколько мгновений непонимающе смотрела на меня, затем закашлялась, нехорошо так, и, поспешно выпутавшись из шали, вскочила на ноги.

– Санна! – кинулась ко мне. Темно-серое шерстяное платье болталось на ней как на вешалке. – Санна, вы пришли в себя, как хорошо! А то уж и не надеялись мы. Как дядька Терф вас сюда принес, так мы уж от вас не отходили. Саннор Фейдерлин приказал вас выхаживать, а если не умрете, глаз потом не спускать. Хотя, – тут она подозрительно прищурилась, – вы первая, кто выжил.

– Где я?

Говорить было трудно, я могла лишь шептать. Да еще эта проклятая дрожь. Я все еще продолжала мерзнуть, хоть и была укрыта тяжелым одеялом.

– Да вы попейте водички, санна, – девочка улыбнулась, – вам надо много пить, так сказал саннор Фейдерлин.

Откуда-то в ее тонких руках появилась плошка с водой, девочка подсунула мне под затылок руку, приподняла голову. Первый глоток дался тяжело, тело словно и забыло, как это – пить. Но затем я вцепилась в плошку двумя руками. Прохладная влага лилась и лилась в горло, я давилась и жадно глотала, боясь упустить хотя бы каплю. А потом рухнула снова на подушку. Озноб отступил, и как будто стало легче.

– Где я? – повторила свой вопрос. – Ты можешь сказать?

– Так это, в замке клана Ши, – сообщила девочка.

Она отошла, поставила куда-то пустую плошку, затем вернулась. Некоторое время мы молча рассматривали друг друга, я невольно подмечала, как тяжело она дышит. Дар целительства вяло шевельнулся в груди, словно в этой девочке было что-то для него интересное. Я невольно положила руку на грудь, успокаивая пульсирующую магию. С этим – позже... Когда сил наберусь. Когда пойму наконец, как быть дальше. Слова «клан Ши» мне совершенно ни о чем не говорили.

– А вы красивая, – наконец заключила девочка. – Жаль, что вас купил саннор Фейдерлин.

– Это... блондин? Маг? – просипела я и поняла, что начинаю краснеть.

Не было моей вины в том, что мачеха меня продала, о чем мне и сообщили похитители, не было вины и в том, что, подчиняясь командам менталиста, я позволяла себя рассматривать там, на помосте. Но все равно было стыдно.

– Ага, – кивнула моя собеседница и наморщила нос. – Мы его не любим. И сестрицу его – тоже. Она все хочет выйти замуж за лорда-дракона.

– Дракона? – эхом повторила я.

– Клан Ши – все драконы, – назидательно сказала девочка, – а Арктур Ши – лорд-дракон. Неужто не знаете?

Я покачала головой. Нет, я ничего этого не знала. Хотя... если подумать хорошенько...

Наша земля – расколотый мир. Острова плавают над Чашей Тьмы. А у самых ее краев, там, где постоянно заливается снаружи Хаос... Да, я краем уха слышала, что есть драконьи заставы и что драконы оберегают нас от варгов, тварей Хаоса. Но тогда... Меня все это мало интересовало. Я думала о хороших книгах, о подругах, которые, как мне казалось, у меня были, о том, как весело танцевать котильон на балу, и о том, что хоть я росла и без мамы, но у меня такой добрый любящий отец.

Горло тут же сдавил спазм, рыдания рвались из груди, и я изо всех сил зажмурилась, выжимая из глаз первые слезы.

Далеко же меня занесло от центральных островов. На драконью заставу! Но, выходит...

Кое-как сглотнув горький комок, я вновь посмотрела на девочку. Она стояла рядом и спокойно ждала дальнейших расспросов.

– Ты сказала, что... до меня были другие девушки. Что их убило?

– Ну, известно что, – она покачала головой и вновь кашлянула, – лорд-дракон. Иногда на границе бывает так тяжело и он получает такие раны, что не может восстановиться. Он ведь ведет за собой клан и бросается в гущу боя. Остальные – то драконы послабее будут, так, мелочь одна. А потом не может вернуться к человеческому облику. А ведь всем известно, что лучшее лекарство для дракона – чистая дева...

– Жизнь чистой девы, – хрипло поправила я.

– Ну да. – Она развела руками. Мол, а что тут сделаешь?

– И как... часто саннор Фейдерлин покупал чистых дев вашему лорду-дракону?

– Последнюю привозил года два назад, – неохотно сказала девочка и зябко обхватила себя руками. – Я так плакала, когда она умерла. Мне ее так жаль было... И как хорошо, что вы выжили! Саннор Фейдерлин сказал, что никого больше не будет привозить. Вы будете тут жить и каждый раз...

– Понятно, – перебила я ее.

Очень хотелось выругаться теми словами, которые я слышала от нашей горничной и употребление которых благовоспитанной барышней так порицал папа. То есть меня теперь будут держать здесь как этакое зарядное устройство, время от времени используя и практически убивая. А не пойти бы саннору Фейдерлину в известном направлении?

– И ваш дракон... он преспокойно живет дальше, зная, что его жизнь стоит жизней многих ни в чем не повинных девушек? – пробормотала я, скорее, себе.

– Я не знаю, – девочка пожала плечами, – но его долг – защищать Чашу и острова. Если варги прорвутся, нам всем конец. По крайней мере, на этом острове.

– Как тебя зовут? – потрясенная услышанным, я кое-как сообразила, что до сих пор не знаю имени моей маленькой сиделки.

– Айта, меня зовут Айта.

– А меня – Кора, – сказала я и протянула ей руку.

Очень хотелось верить в то, что она будет моей подругой до того момента, как я отсюда сбегу.

Айта посидела со мной еще немного, но по большей части молчала. Лишь изредка покашливала в уголок шали. Я же пыталась собраться с мыслями и сообразить, что делать. Конечно, сперва следовало подняться, а вот потом? Есть ли на острове вход в королевские порталы? Насколько он тщательно охраняется? И если даже мне удастся сбежать, куда я пойду – без денег, без документов? Как доберусь если не до дома, то хотя бы до людей, которые смогут

помочь?

А сквозь сумбурно пляшущие обрывки мыслей просачивались воспоминания, такие наивные, немножко глупые и очень чистые. Мое восемнадцатилетие... Я спускаюсь по лестнице в пышном кипенном платье с открытыми плечами. В нем я похожа на пирожное безе, такое же воздушное, сладкое. У меня смуглая кожа и карие глаза, а волосы темно-каштановые, словно крепкий кофе. Белый цвет удивительно мне к лицу. И кажется, что весь мир простерся у ног, словно мраморная лестница нашего особняка. У ее подножия меня ждет отец в адмиральском мундире, с белой розой в руке... Он тогда плакал, глядя на меня, мой милый папа, а я постеснялась спросить почему. Вечером отмечали день рождения, со мной все время танцевал наш сосед Эндрю, и, казалось, он обязательно продолжит знакомство, но... как мне потом нашептывала моя служанка, «ваш папенька ищет более выгодную партию».

Не знаю, почему мне вспомнился именно тот день. Возможно, слишком велик был контраст между мной тогдашней, три года назад, беспечной санной из богатой семьи, и нынешней – больной, совершенно разбитой, едва не сожранной лордом-драконом, использованной. Похищенной и проданной. Мне казалось, что я сижу на дне глубокого колодца, в холодной грязи, и смотрю на саму себя где-то там, на фоне яркого неба, все в том же воздушном платье и с белой хризантемой в прическе. Я не знала, что мне делать. Понятия не имела, куда податься, даже если получится бежать. Да и... вдруг сюда не заходят порталные линии, а лишь Фейдерлин может переноситься на остров? Мысли крутились, словно белки в колесе, почти сводя с ума, а я лежала и беспомощно таранилась в потолок – до тех пор, пока не скрипнула дверь и в комнате не появились новые действующие лица моей собственной драмы.

Первой я увидела дородную женщину лет сорока, моложавую, в опрятном белом чепце и чистом переднике поверх серого платья. Мне сразу понравилось ее лицо, лучистые морщинки вокруг глаз говорили о том, что она часто смеется, полные румяные щеки намекали на хороший аппетит. Было очевидно, что она следит за собой: полукружья бровей аккуратно выщипаны в ниточку, глаза и губы слегка подкрашены. Тяжелые серебряные серьги в ушах намекали на то, что женщина эта не бедствует, возможно занимая высокую должность в замке.

Следом за ней, пригибаясь, в дверь протиснулся высокий мужчина, одетый так незатейливо, что сперва я приняла его за разнорабочего: простая рубаша и штаны, вот и все. Однако стоило ему разогнуться, стало видно, что и лицо у него

чисто выбрито, и причесан он аккуратно, да и вообще... Глаза не наши, не человеческие. Они были словно тающий на солнце мед, яркие, желтые. С узким вертикальным зрачком.

Я сглотнула и невольно поежилась. Похоже, ко мне пожаловал кто-то из клана Ши? Или же... Тот, кто едва меня не убил?

Между тем женщина решительно шагнула ко мне, всплеснула руками и рассмеялась располагаяще и просто.

- Айта! Айта, соня! Что ж ты не бежишь мне сказать, что санна очнулась?

Девочка в кресле завозилась под шалью, засопела, потом все же встала и слегка поклонилась.

- Вы же сами сказали - не беспокоить, пока не закончите с расчетами.

- И то правда. - Она уже склонилась надо мной, словно забыв о присутствии всех прочих. - Ну что, милочка, как ты?

Глупый вопрос. Что я должна была ответить? То, что невероятно счастлива оттого, что пришла в себя, после того как меня подбросили дракону?

- Так я пойду передам саннору Фейдерлину, что она очнулась? - уточнил дракон.

- Не торопись, - поморщилась женщина, словно само имя Фейдерлина вызывало у нее по меньшей мере изжогу. - Через пару дней скажешь, понял? Пусть придет в себя.

- Как скажете, санна Левия. - Парень неловко потоптался, я чувствовала, что он меня с интересом рассматривает. Потом он все же спросил: - А что сказать лорду Арктуру?

- Иди уже. - Левия махнула рукой. - Говори, что приказал маг. Лиар Фейдерлин так просто отсюда не уберется, и мы с тобой это знаем. А злить его не стоит, больно силен, подлюка. И ты, Айта, поди прочь. Мне надо поговорить с санной.

Когда мы остались одни, Левия подвинула кресло ко мне поближе и расположилась в нем. Еще несколько минут мы рассматривали друг друга, и я подумала, что мы немного похожи: те же темные волосы и карие глаза. Наверное, когда мне будет столько же лет, сколько Левию, у меня тоже появятся эти зазорные морщинки-лучики, потому что я люблю улыбаться. Раньше любила.

– Как ты себя чувствуешь? – повторила она, глядя на меня с прищуром.

Я, распластанная на постели, пожала плечами. На этот вопрос отвечать совершенно не хотелось.

– Тебе повезло. – Левия откинулась на спинку кресла. – До тебя были две девушки, которые не пережили... этого. Но ничего не поделаешь, всему своя цена. Фейдерлин сказал: возможно, ты не умерла оттого, что в тебе есть магический дар. Может, поэтому и удержалась на краю. – Она помолчала задумчиво и продолжила: – Я здесь управляющая лорда-дракона, можешь звать меня Левией. Скажи, что ты умеешь делать? Здесь бездельников нет, в замке клана все что-то делают. Стряпать умеешь?

Я едва не рассмеялась. Кое-что, конечно, я умела... Только вот ни стряпня, ни стирка, ни уборка в это «кое-что» никак не входили.

– Отпустите меня, – сказала тихо. – Мой отец был адмиралом. Я тут буду бесполезна.

Левия мягко улыбнулась.

– Да ладно. Дочерей адмирала не продают как будущих шлюх. А саннор Фейдерлин сказал, что купил тебя на таком аукционе.

– Я не шлюха. Я попала туда обманом.

И поняла, что уши просто пылают. Кого следовало отдать дракону, так это мою мачеху. Жаль, что она не была невинной девой.

– Даже если и так. – Левия окинула меня выразительным взглядом. – Даже если ты попала на торги обманом, купили-то тебя вполне законно. У меня на столе

лежит купчая от имени лорда-дракона. Так что теперь ты принадлежишь ему. А то, что выжила... дает надежду на то, что в следующий раз не придется искать новую девушку. Обойдемся твоими силами.

- То есть вы считаете, что я должна теперь пожизненно обслуживать... это? - не удержалась я.

- Ну уж как получится. - На полных губах управительницы появилась тонкая улыбка. - Но в любом случае убежать отсюда невозможно, королевские порталы сюда еще не заведены, пока только в проекте. Так что не торопись, осмотрись. Твоими, хм, услугами лорд будет пользоваться не так уж и часто. Всплески Хаоса происходят редко. Однако на глаза ему постарайся лишней раз не попадаться, Фейдерлин будет зол, а нам не с руки с ним ссориться.

Я поморщилась. Фейдерлин то, Фейдерлин се. Похоже, у него здесь свой интерес? А если его так боятся здешние, почему не скажут об этом дракону? Или дракон и сам на коротком поводке?

Я сделала мысленную отметку, что нужно будет разобраться в происходящем. А вслух наивно поинтересовалась:

- А что, если я потеряю невинность? Вы же понимаете: она сегодня есть, завтра - нет.

Улыбка на губах Левии стала еще шире.

- Если ты станешь бесполезной для восстановления лорда-дракона, тогда тебе не останется ничего иного, как обслуживать его клан. Двадцать молодых и резвых драконов. Подумай хорошенько, что для тебя выгоднее. И ты так и не ответила на мой вопрос: что умеешь делать?

- Вышивать, - процедила я сквозь зубы.

- Значит, будешь белье штопать, - с энтузиазмом заключила Левия.

День прошел в полудреме. И еще день. А потом – еще. Со мной постоянно сидела Айта, приносила мне жиденький постный суп, кормила меня с ложечки. Тело по-прежнему было ватным и безвольным, сил не хватало даже на то, чтобы самостоятельно есть, и вся пища казалась не вкуснее жеваной бумаги. Однако я уже уверилась в том, что не умру, и поэтому старательно съедала все до крошки, пила какие-то горькие отвары, которые приносила Левия. Я должна была подняться на ноги как можно быстрее, а там – еще посмотрим, кто кого.

Однажды утром я открыла глаза и поняла, что сил прибавилось. В окно светило солнце, я подняла руку, которая внезапно перестала ощущаться как желе, поймала ладонью солнечный зайчик. Там, за тусклыми стеклами, росло большое дерево, и поэтому, когда дул ветер, по комнате плясали узоры из теней и света. Я впервые осмотрелась и, к собственному удивлению, почувствовала радость. Вот так, в бедно обставленной каморке, купленная пленница, лишенная всего, – и радость.

«Я выздоровею», – мелькнула мысль, и я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Айты не было в комнате, и этому я тоже обрадовалась. Мне не хотелось, чтобы она видела мою слабость сейчас, когда я попытаюсь самостоятельно подняться. Хотя Айта не стала бы злорадствовать: она была хорошей девочкой, носящей в себе недуг, и оттого была еще и несчастной. Я решила, что, как только силы вернуться, займусь ею: незачем умирать, когда еще не пожил толком.

И вот я повернулась на бок, уперлась локтем в постель – изо всех сил, так, что мгновенно прошиб холодный пот, – но все-таки села. Комната закружилась перед глазами, все поплыло, но я задышала глубоко, потерла глаза, и все снова обрело устойчивость. Слабость, болезнь медленно отступали, а я в мыслях уже ходила, разведывая обстановку на острове.

Я немного посидела-посидела и легла обратно. Оказалось, очень вовремя: пришла Левия, как всегда улыбчивая, приветливая. Хоть она и была, по сути, моей надсмотрщицей, злиться на нее я почему-то не могла. Возможно, потому, что Левия всегда находила как меня поддержать – шуткой или таким грубоватым сочувствием.

Сегодня Левия принарядилась. На ней было дорогое платье из тафты, светло-серое. В ушах – объемные серьги с серебряной филигранью. Волосы уложены в

косу и закреплены шпильками на затылке. Словно событие какое в замке...

– Как дела? – осведомилась она.

– Лучше, – обманывать не было смысла. Не буду же я вечно валяться в кровати?

Левия расправила подол, аккуратно уселась в кресло и, подперев подбородок рукой, о чем-то задумалась. Она слегка хмурила брови, отчего я решила, что, невзирая на нарядную одежду, происходящее в замке не слишком-то ее радует.

Наконец она снова посмотрела на меня и сказала:

– Сегодня опять прибыла санна Фейдерлин. Весь день замок стоит на ушах. Все ей не так да не эдак. Голову мне заморочила. Еще и наряжаться надо – ей, видите ли, нужна компаньонка...

– Это супруга саннора Фейдерлина? – наивно поинтересовалась я.

А потом вспомнила, что мне рассказывала Айта в самом начале. Сестра конечно же, которую Фейдерлин хочет выдать замуж за лорда-дракона.

– Да прямо, супруга. – Левия фыркнула. – Сестрица, Катрина Фейдерлин. Все никак, бедняга, не охмурит нашего лорда. Уж старается-старается, только что из платья не выпрыгивает. А он на нее смотрит, ну, примерно как на стену. Н-да.

Она помолчала минутку, а затем добавила:

– Но в этот раз, похоже, все серьезно. Фейдерлин уломал лорда жениться. Через неделю помолвка у них. Так что, Кора, если хочешь поглядеть одним глазком, в твоих интересах побыстрее приходить в чувство.

Я пожала плечами.

– Да я бы и рада. Лежать здесь удовольствия мало, санна Левия. И мне бы хотелось посмотреть на невесту лорда-дракона, очень.

Левия чуть подалась вперед, чтобы быть ближе ко мне, и негромко сказала:

– Не понимаю я, что за игру ведет Фейдерлин. Приказал, чтобы тебя Арктуру не показывали. Бойтся, что уведешь дракона у Катрины? Но лорд-дракон и так не знает отказа у нашей сестры. Хорош, зараза, ой, хорош...

– А почему вы делаете то, что приказывает саннор Фейдерлин? – спросила я тем голосом, которым могла бы говорить невинная овечка. – Разве он здесь хозяин?

Она улыбнулась, но как-то грустно.

– Так ведь понятное дело, Кора. Мы здесь живем у самого края Чаши, где влияние сил Хаоса весьма велико. Ты что-нибудь слышала о кристаллах дифлиума? Вижу, что нет. Так вот, Кора, глубоко под замком – дифлиум, всего несколько штук. Кристаллы спасают нас от безумия, которое со временем поглощает всех, кто проживает в такой близости от Хаоса. А маг, Фейдерлин то есть, занимается тем, что их питает, а заодно и настраивает спектр дифлиума на каждого из здесь живущих. Как ты понимаешь, при такой тонкой настройке Фейдерлин может запросто ошибиться. А никому не хочется сойти с ума и броситься с края острова.

– Но лорд-дракон мог бы нанять другого мага, – возразила я. – Почему вы терпите Фейдерлина, если он вам не нравится?

– Лорд-дракон не наймет другого мага и уж тем более не станет никого из нас слушать, – в голосе Левии послышались стальные нотки, – потому что Фейдерлин – его молочный брат и неоднократно спасал ему жизнь.

– Доставляя вовремя невинных девушек, – вставила я, понимая, что, возможно, сейчас разозлю Левию.

– И это тоже. – Она хмыкнула. – Но, Кора, ведь Фейдерлин не требует от нас ничего сверх наших способностей. Он хорошо выполняет свои обязанности. Благодаря ему мы все живы и здоровы, и драконы охраняют края Чаши, сражаясь с варгами.

– А лорд-дракон... знает обо всем этом? – Я все не унималась. Мне казалось странным и неправильным, что на драконьем острове всем заправляет противный маг, в то время как хозяином, по идее, должен быть дракон.

– Конечно же не знает, – со вздохом ответила Левия. – Вернее, про девушек он, разумеется, знает. Фейдерлин говорит, что это единственно возможный способ восстановить дракона, в котором едва теплится жизнь. А вот о том, что Фейдерлин здесь вроде как второй хозяин – нет, не знает. Да и зачем ему об этом знать? Мы тут в тепле и сытости, никто перемен не хочет. Кто знает, что произойдет, если лорд Арктур узнает о маленьких самоуправствах своего молочного брата?

– Интересно, – я даже приподнялась на кровати, – коль Фейдерлин приказал меня дракону не показывать, то что лорду сказали обо мне? Что я тоже умерла?

Левия пожала плечами. Солнечный луч заиграл в филиграни ее серьги.

– Отчего же. Фейдерлин сказал, что ты совершенно лишилась рассудка и лежишь овощем. Я слышала, что Арктур хотел на тебя посмотреть, но маг его отговорил, сказал, мол, смотреть там уже не на что. Но убеждал, что тобой можно будет попользоваться еще раз, что ты крепкая и выживешь, хоть и лишилась рассудка. Лорд-дракон остался этим доволен. Ну, в смысле, доволен тем, что не нужно убивать других девушек, раз есть ты.

«Гад какой, – подумала я, – доволен он остался!»

Мне очень захотелось посмотреть на того, кто меня чуть не убил. Ну как, интересно было в основном оттого, что хотелось понять: он дурак? Или слепой? Почему так легко принимает ложь за правду? Настолько доверяет Фейдерлину? Или лорду-дракону попросту ничто не интересно за пределами познания о варгах и Хаосе?

– А драконы тоже подвержены безумию от близости Хаоса? – только и спросила я.

– Еще как, – ответила Левия, – по крайней мере, с нашей стороны. Поговаривают, если дракона затащить в Хаос, плохо будет тем, кто находится по ту сторону. Но я ничего толком не знаю.

Я приуныла. Похоже, что хозяином острова и в самом деле был маг Фейдерлин. Потому что даже лорд-дракон прекрасно понимал: если Фейдерлин «случайно» допустит ошибку, то безумие поглотит и его самого. Мало кто способен смело смотреть в глаза собственному подкрадывающемуся сумасшествию, если такие люди вообще существуют.

На следующее утро, воспользовавшись тем, что моя маленькая бессменная сиделка отлучилась, я кое-как встала на ноги. Все снова плыло и кружилось, но я успела опереться о высокое изголовье и потому осталась стоять. Все правильно, я была дочерью своего отца, а человек, дослужившийся до чина адмирала, лично водивший в бой эскадры, умел бороться, буквально выгрызая свое у судьбы. И у меня получится. Еще не знаю как, но этот остров не станет моей тюрьмой, а мачеха... О-о-о, она окажется в тюрьме до конца дней своих. Ей удалось добиться успеха только потому, что она действовала быстро и, что уж там, неожиданно.

Я обливалась холодным потом, но все еще стояла на ногах. Потом и держаться перестала, выпрямилась, осматриваясь. Конечно, я уже успела разглядеть все в этой комнатке, но одно дело – рассматривать обстановку, когда лежишь пластом, и совсем другое – с высоты своего роста. Возможность посмотреть на мир чуточку свысока придавала уверенности в собственных силах, а заодно и в будущем.

Вот кресло, обитое серым мохнатым мехом. За спиной – кровать и небольшое окно с мутноватыми стеклами, за которым колышутся ветви большого дерева. Сбоку – маленький столик, на котором Айта всегда оставляет кувшин с водой и кривобокую глиняную кружку. На полу – истертый до дыр тканый коврик.

Я сглотнула и посмотрела на дверь. Весьма обшарпанная, из плохо оструганных досок, она казалась мне олицетворением свободы. Добраться до нее, распахнуть – и все, иди на все четыре стороны. Конечно, глупо было так думать, но я решила: если сейчас доберусь до двери – скоро освобожусь. Мысли о том, что могу свалиться мешком посреди комнаты, я не допускала.

Вдохнув поглубже, я сделала первый шаг. Стены тут же предательски дрогнули, пошатнулись, но я расставила руки в стороны – и удержалась. Прикусив губу и стараясь дышать как можно глубже, сделала еще один шаг. Так, мелочь,

всего лишь передвинула другую ногу чуть вперед. Снова получилось. И, воодушевленная столь легким успехом, я так и поковыляла вперед, к заветной двери, балансируя руками, вытягивая их то в стороны, то вперед, совершенно не думая о том, как пойду обратно, о том, что, если кто-нибудь войдет, увидит меня в одной коротенькой рубашонке, застиранной до состояния сеточки.

И я дошла. Это была великая победа. Выдохнув с облегчением, смаргивая назойливых мошек, что роились перед глазами, я вытянула вперед руки, чтобы дотронуться до деревянной поверхности... Но не успела. В тот самый миг, когда мои пальцы должны были вот-вот коснуться двери, кто-то резко дернул ее на себя. Я едва не взвыла от досады. Как же так, мою удачу уводили у меня из-под носа! И почему Айту угораздило вернуться именно в этот момент?

Дверь открылась. А я, сообразив, кто стоит у порога моей комнаты, неловко попятилась и наверняка бы упала, но... он успел схватить меня за руку.

– Да ты делаешь отменные успехи, пташка. – На меня в упор смотрели ледяные глаза.

– Не помню, когда это мы стали на «ты». – Я выдернула пальцы из его хватки, комната угрожающе накренилась...

В следующий миг он подхватил меня за талию, придерживая, с интересом рассматривая мое бессильно запрокинутое лицо. Варгов маг, Лиар Фейдерлин. Негласный хозяин этого острова и человек, который втолкнул меня в комнату, где поджидала верная смерть.

– Наверное, в тот самый момент, когда ты голая стояла на помосте, а на тебя пялились все присутствующие, – обманчиво мягко ответил он. – Как считаешь, это повод перейти на «ты»?

Я промолчала. Кажется очень странным препираться с мужчиной, который держит тебя, почти что голую, в объятиях.

– Вот и правильно, санна, – издевательски заключил он, – иногда надо вовремя закрыть рот.

– И не рассчитывайте, – все же буркнула я. – Вы бесчестный, циничный негодяй. Как жаль, что магическое сообщество этих островов не знает, что вы покупаете девушек, чтобы скормить их дракону.

А сама рассматривала его. Тогда, в потемках, потрясенная всем происшедшим, я запомнила лишь бледное лицо, колючий взгляд и светлые волосы. Не портрет – набросок. Теперь же, в свете дня, я могла видеть и то, что высокий лоб с небольшими залысинами тронут тонкой морщиной меж бровей, как будто Лиар привык хмуриться. И то, что волосы у корней темнее, и то, что щетина на его квадратном подбородке тоже темная. Щеки впалые, выступающие скулы. Прямые брови. Скульптурное, но хищное лицо. Такой если вцепится, то уже не отпустит.

– Нравлюсь? – ехидно шепнул он, чуть улыбнувшись.

Таких вопросов мне, дочери адмирала, еще не задавали. И я уже открыла рот, готовясь сказать что-нибудь этакое, язвительное, но Фейдерлин меня опередил:

– Спешу тебя огорчить, пташка, но пока ты мне нужна невинной овечкой. Хотя – Господь свидетель! – такие прелести пропадают, никому не нужны! – И выразительно заглянул в ворот моей рубашки.

Я задохнулась от возмущения. Кровь ударила в голову, я неловко дернулась, собираясь залепить нахалу пощечину, но он меня опередил, ловко перехватив руку.

– Идем, пташка, на кровать. Ты слишком рано решила подняться.

– Да что вам нужно? – наконец выдавила я, сгорая от стыда.

Так со мной себя еще никто не вел. Но раньше... меня оберегал отец, а теперь я никому не нужна, да и вообще стала никем.

– Поговорим? – совершенно спокойно предложил Фейдерлин и потащил волоком в сторону кровати.

Выходит, я так и не добралась до двери. Думать о том, что точно так же не доберусь до свободы, было неприятно. А тем временем Фейдерлин ловко уложил меня в постель и даже заботливо укрыл тяжелым одеялом. Сам же уселся напротив, в кресло, смахнул с рукава сюртука несуществующую пылинку, поправил запонки и уже без улыбки уставился на меня своими страшными холодными глазами.

– Тебя уже поставили в известность, кто я такой?

– Разумеется. – Я отчаянно краснела, но все еще пыталась держать лицо и вести вполне светскую беседу. В конце концов, он должен понимать, что не шлюху безграмотную купил на том аукционе. Возможно, именно в этом мое спасение. – Вы следите за состоянием дифлиума на этом острове.

– И что это значит, пташка? Как полагаешь?

– То, что вас следует слушаться. – Я невольно скривилась, так неприятно было это произносить.

– Вот именно. – Он, казалось, повеселел, совсем по-мальчишечьи взъерошил волосы. – Состояние твоего рассудка тоже теперь от меня зависит, пташка, понимаешь? Поэтому, если хочешь жить долго и счастливо, меня нужно слушаться, милая.

– Лорд-дракон тоже вас слушается? – Я взглянула на него из-под ресниц.

Было неправильным злить Фейдерлина, но что-то словно толкало меня изнутри, заставляя язвить.

– Считаешь себя самой умной? – Маг подпер кулаком подбородок, словно наблюдать за мной было забавнейшим занятием. И тут же пояснил: – Мы просто не лезем в дела друг друга. Арктур занимается Хаосом, варгами, своим кланом и своим островом, а я делаю свою маленькую работу, а заодно периодически спасаю ему жизнь... когда варги рвут его на части так, что он не может обратиться и буквально разваливается на ходу. Ты же видела его, так ведь, пташка? Сплошные раны. Это жизненно важно – сила чистой девы в обмен на восстановление. На лорде-драконе держится оборона острова, а когда появится следующий – неизвестно. Поэтому время от времени девицы нам просто

необходимы.

Я промолчала. Он знал, что мне больно слушать это как напоминание о том, что со мной сделала та тварь, но намеренно бил именно туда, где больнее всего.

– Я хочу, чтобы ты держалась от него подальше и чтоб он тебя не видел, – без обиняков заявил Фейдерлин.

– Боитесь, уведу у вашей сестры?

– Может, и боюсь, – прищурился он, – только правды ты все равно не узнаешь. В общем, не показывайся лорду-дракону на глаза, маленькая пташка, и, возможно, я еще отпущу тебя на свободу. Ты ведь хочешь на свободу?

– Вы же решили, что я буду всегда «спасать» вашего лорда. – Я изобразила светскую улыбку. – Зачем тогда обещаете свободу?

– А кто сказал, что всегда? Когда он женится на Катрине, твои услуги более не понадобятся. Я, так и быть, уговорю его выписать тебе вольную, отправишься на все четыре стороны. Даже документы оформлю и билет на корабль куплю.

Я невольно нахмурилась. Все это... звучало очень и очень подозрительно. Выходит, единственное, что от меня требовалось, – не показываться дракону и время от времени восстанавливать его силы, а потом, когда он женится, необходимость в такого рода «сеансах» отпадет? Что такого в этой Катрине?

– Я вам не верю, – так и сказала, глядя в колючие холодные глаза мага.

– Твое дело, – спокойно ответил он. – Но в любом случае, если ты будешь вертеться у Арктура под ногами, я с легкостью дерну за нужную ниточку, и твой рассудок постепенно поглотит Хаос. Тогда ты в самом деле станешь овощем. Я понятно объяснил?

Очень хотелось расцарапать ему физиономию. Или плюнуть в нее же. Но я вовремя вспомнила, что главное оружие истинной санны – ее спокойствие, и потому, одарив гада сладкой улыбкой, завершила:

– Понятнее некуда, саннор Фейдерлин. Поверьте, со мной у вас не возникнет никаких хлопот. Совершенно никаких, да.

Он усмехнулся, пристально глядя на меня, потом тряхнул головой.

– А вот теперь я тебе не верю, пташка. Больно у тебя физиономия стервозная.

– Никогда себя стервой не считала, саннор.

– Самое главное – помни о ниточках, – почти ласково произнес он и изобразил пальцами ножницы. – Чик-чик – и ты почти как кабачок. Или морковка.

– Оставьте меня, саннор, – все еще улыбаясь, попросила я. – Мне по-прежнему нездоровится. Мне тяжело с вами говорить, да и видеть вас... не слишком-то хочется.

Почему я ходила по краю? Сама не знаю. Но Фейдерлин хмыкнул, при этом хищно раздув ноздри, как будто нюхал воздух, и окинул меня странным взглядом, смысла которого я не сумела разгадать.

– В самом деле пора идти готовиться к помолвке. Выздоровливай, пташка. Левия сказала, что уже заготовила для тебя три корзины белья на починку.

Когда он, уходя, повернулся ко мне спиной, я тайком показала ему однажды подсмотренный на улице и объясненный горничной неприличный жест. И почему-то стало легко на душе – выяснилось, что я не боялась Лиара Фейдерлина до дрожи в коленках. Эта словесная перепалка словно утвердила меня в мысли, что ничего он мне дурного не сделает ровно до тех пор, пока... Пока – что?

Через пару дней я окрепла настолько, что сама предложила Айте прогуляться и посмотреть остров. К этому времени Левия выдала мне платье, такое же добротное и уныло-серое, как и у нее, белый передник с карманами и накрахмаленный до хруста чепец. Вдобавок я стала обладательницей плотных шерстяных чулок, сатиновых панталон по колено и грубых, но практичных башмаков, которые, по словам той же Левии, очень хороши, чтобы ходить по

каменистой почве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtern_oliviya/moy-hozyain-drakon

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)